

МАШЕНЬКА И ЛЕСНЫЕ ЗВЕРЯТА

Маша, дедушка и собака Жучка жили в большом доме на краю деревни, рядом с лесом. Дедушка был знахарем. Он лечил травами и отварами людей и домашних животных. Однажды Жучка прибежала из леса, уцепилась за край Машиного сарафана и начала тянуть на тропинку, ведущую в лес. Пришёл дедушка, посмотрел и сказал: «Иди, Машенька, за Жучкой. Видно, беда какая-то в лесу стряслась».

Среди ельника, скрытый от посторонних глаз, лежал волчонок. Его лапка была раздроблена. Волчонок заговорил с Машей человеческим голосом: «Помоги мне, Машенька. Моих родителей застрелили охотники. Меня ранили. Наша семья — цари этого леса. Я остался наследником. Я научу тебя понимать язык живущих здесь зверей. Взрослые животные будут подчиняться только мне, а деточек мы хотим отдать на воспитание тебе — научить выживать, зная повадки людей. Многие гибнут, не ведая, где их подстерегает опасность. От Жучки мы знаем, как праведно вы с дедушкой живёте. Ты добрая девочка».

Маша взяла раненого волчонка на руки и понесла домой к дедушке. Нести было тяжело. Машенька отдыхала, а Жучка в это времялизывала лапу волчонка. Дедушка перевязал рану. Он лечил больного одному ему известными снадобьями. Вскоре белочка принесла свою малюточку, которая упала с дерева и ударилась о твёрдый

корень. Дедушка кормил её кедровыми зёрнышками. Читая молитвы, он капал в зёрнышки сок лопуха.

Волчонок быстро выздоравливал. Иногда Машенька ходила с ним в лес поздно ночью, а то и днём, когда все деревенские были на работе. Рассказывала ему, как определять безопасное для лесных обитателей время. В лесу объясняла собравшимся на опушке зверятам простые правила: нельзя показываться туристам и грибникам, иначе вскоре за ними придут охотники. Нельзя ходить вблизи дорог. Понемногу звери поверили Маше и дедушке. Когда они нуждались в лечении, Маша приводила их к себе домой, а бывало, они приходили сами.

Дедушка язык зверей не понимал. Ему было только ясно, что Маша избранная. Иногда он просил её узнать у новых друзей о целебных травах и показать, где они растут. В свою очередь, животные узнали от дедушки много нового и полезного. Маша со слов дедушки рассказывала об охотничьих хитростях, о том, как распознавать проволочные петли и капканы, поставленные на тропах. Запрещала нападать на людей, иначе такие животные будут обречены. Объясняла, что единственное спасение зверей — скрытность.

Время шло. Волчонок окреп, вырос и уже почти постоянно жил в лесу, встречая Машу, когда она туда приходила. Звери и дедушка обучали Машу всему, что знали. Она начала понимать язык некоторых домашних животных. Иногда на ушко с ними разговаривала, удивляя людей точностью в определении болезней, о которых домашние ей рассказывали. Маша передавала всё дедушке. Его слава росла.

Наступала осень, начал пролетать снег. На нём становились хорошо заметными следы зверей. Маша советовала ходить по островкам оставшейся травы, а в глубоком снегу ходить так, чтобы обрушались края следов. Мало-помалу вступала в свои права зима. Маша надумала приготовить зверятам новогодний сюрприз. Когда они в конце декабря собрались в их доме,

вынесла наряженную игрушками новогоднюю ёлку и принялась обучать песенке «В лесу родилась ёлочка».

Песенка так понравилась зверьям, что все отправились в лес и чуть ли не у каждой ёлочки её пели. Некоторые зверья даже стали кричать, что они полюбили людей, но после Машиных разъяснений пообещали хранить это чувство в душе и вести себя очень осторожно.

ЧЕРЕПАХА ФРОСЯ

Мой друг захотел купить животное. Чтобы живая душа была в доме, но без проблем по уходу. Под проблемами он понимал кормление, уборку, купание и так далее. Такие разговоры играли, скорее, роль психологической отдушины и, как все благие намерения, понемногу стали забываться. Но однажды мы оказались в зоопарке «Роев ручей» и зашли в павильон рептилий. Большое количество разнообразных красивых черепах произвело сильное впечатление, и другу стало ясно, каким должно быть любимое домашнее животное.

Начало лета — самый привоз черепах. Их продавали прямо из картонных коробок на улице. Мы выбрали симпатичную среднеазиатскую черепашку и выслушали наставления тётки-продавщицы. Всё казалось так просто, что друг спросил: «А если она начнёт класть яйца?» Все оценили удачную шутку.

Черепаху назвали Фрося. Это было забавное активное животное. Основной территорией её проживания стал балкон. Приходя в гости, я приносил черепашке одуванчики, а друг, заядлый грибник, приносил из леса растения. Больше всего Фросе нравились цветы саранок.

Черепашка оказалась смышлёной, через некоторое время стала понимать имя Фрося и быстро привыкала к новым условиям. Когда хозяин приходил из леса с охапкой зелени, черепашка выходила навстречу и даже, бывало, бежала на трёх лапках, махая одной лапкой в воздухе. Откуда это у неё?

Вскоре выяснилось, что черепашка вообще склонна к дрессировке. Когда я отложил в дальний угол помеченную ею во время кормления газету и газета осталась там лежать, черепашка начала ходить туда в туалет. После этого мы посмотрели на Фросю другими глазами, принялись с энтузиазмом и вниманием обращаться с нею.

По-видимому, по интонации Фрося стала понимать некоторые команды, хоть и не всегда спешила их выполнять. Избалованной повышенным вниманием черепашке хотелось, чтобы за ней поухаживали да поупрашивали: бывало, выходила на первые звуки приготовления еды, и если её не начинали кормить сразу, уходила в дальний угол, и только вручную можно было вернуть её обратно. Тут уж она принималась есть.

Но наступала осень. Преимущества содержания на балконе и кормления лесными травами заканчивались. Я выпросил Фросю на зиму к себе. Сначала всё шло хорошо. Небольшое снижение аппетита и сонливость черепашки вполне объяснялись сменой сезона года. Но вскоре с Фросей стало происходить что-то явно неладное. Начал деформироваться панцирь, задний ряд пластин изгибался вверх в виде гребня. Фрося захворала. В её взгляде, прежде живом и весёлом, проскальзывали мучение и безысходность.

Что делать? Посоветоваться было не с кем. Друг выбрал тактику обвинения меня в неумении ухаживать за Фросей, но реально помочь ничем не мог. В наиболее полной книге Васильева «Черепахи» указывалось, что в домашних условиях не более двадцати процентов черепах переживает первую зиму. И ещё: по причине высокого физиологического ресурса выживаемости черепахи умирают медленно, а значит, мучительно.

Я вспомнил зазывные слова тётки, продавшей нам Фросю: «Купите неприхотливое животное — черепаху». С этого момента и до весны я регулярно вспоминал эту фразу. Поехал в «Роев ручей». Первые же слова, которые услышал: «Сначала надо создать инфраструктуру для

черепахи»,— ввергли меня в ощущение нереальности. Когда дома перечитывал записи, у меня опускались руки.

Список был длинным и трудным для исполнения. Тезисно были записаны наставления по кормлению, купанию, ветеринарному уходу и так далее.

Как-то не верилось во всё это. Как же: «Вот мой знакомый школьник второй год держит черепаху под диваном» и так далее,— говорили мне. Между тем Фросе становилось всё хуже. Она уже не ела и открывала глаза, только когда я брал её на руки. Взгляд её «являл живую муку». А тут ещё в только что приобретённой брошюре Махлина «Черепахи у вас дома» я прочитал о фатальной чувствительности черепах к стрессам. Махлин, герпетолог и руководитель живого уголка во Дворце пионеров, уехав в отпуск, оставил на попечение пионеров черепаху, до этого свободно проживавшую у него в квартире. В скученном террариуме черепаха села в угол, ничего не ела и вскоре умерла от стресса. Я позвонил другу и спросил, зачем он совершил такой необдуманый поступок — купил черепаху. Он нашёл ответ, лучший из всех возможных: «Вместе покупали».

Я дозвонился в Московский зоопарк Д. Б. Васильеву, автору книги «Черепахи».

Дмитрий Борисович оказался внимательным и отзывчивым человеком. Он подтвердил экстренность и полноту записанных в «Роевом ручье» мер по уходу за черепахой и попросил прислать фотографии, чтобы точнее назначить лечение. У меня для Фроси сложился тяжёлый выбор: «Казнить нельзя помиловать». Откладывать решение было невозможно.

Жертвой пал довольно уютный и обустроенный угол с компьютером и книжной полкой. Я сложил компьютер и книги в коробки, а компьютерный стол отвёз на работу. В магазине «Сделай сам» купил брус и доски. Взял в руки ножовку, дрель, молоток, и через неделю совсем не уютная стойка в углу комнаты была

готова. Главной её частью стал, конечно, не дощатый теперь настил для компьютера, а будущий солярий в нижней части. С помощью съёмной передней стенки я планировал превращать его в террариум.

Но это было только начало. Расслабиться не давала живая душа в доме, которая вполне могла перестать быть таковой.

В специализированных отделах зоомагазинов я закупал светильники с люминесцентными лампами и финские светильники с лампами накаливания — такие, которые имели ультрафиолетовую составляющую в спектре. Стоимость каждого измерялась сотнями рублей. Когда счёт пошёл на тысячи, стало ясно, что надо просто прекращать считать деньги. Друг-грибник назвал это «правилом правой руки», когда рукой закрывают правую сторону прайс-листа с ценами, а нужные позиции выбирают указательным пальцем левой руки. Я сказал ему спасибо за такое разъяснение.

Но как только я подвешивал и включал очередной светильник, сразу спешил посадить под него Фросю. Она, маленькая, всё принимала, сидела в ещё строящемся солярии. Её глазки начали открываться. Фрося оживала. Я решал и проблему кормов. За зелёным листовым салатом ездил на Южный рынок. На рынке же покупал кабачки и помидоры. Проще было с яблоками, грушами и так далее. Но главное, что Фрося всё это понемногу ела. Сначала одна, а потом и другая полочка в шкафу около солярия заполнялись коробочками с фирменными кормами и витаминно-минеральными смесями, и я вводил их в рацион Фроси.

Мало-помалу очередь дошла до размещения на стенах солярия растительных орнаментов, выстраивания теплового режима и так далее. Черепашке требовалось сидеть и греться на природном камне, да и фанерное покрытие пола нужно было улучшать. «Купите неприхотливое животное — черепаху!» — приговаривал я, выбивая сапогом смёрзшиеся камни на

берегу Енисея. Сортировал, кидал в ведро, дома мыл, кипятил и выкладывал в солярии.

Но главное, что проблемы со здоровьем Фроси стали уходить в прошлое. За заботами незаметно заканчивалась зима. Когда на паласе появились первые пятна весеннего солнца, Фрося с удовольствием грелась в них и перемещалась вместе с ними. Стал выпрямляться её деформированный панцирь. Оказывается, осенью сегменты панциря корёжились не сами по себе, а поворачивались в стыках, и теперь, вновь поворачиваясь, медленно возвращались на своё место.

И наконец — подарок судьбы: Фрося «заговорила». Когда ей становилось страшно, например, если я слишком быстро её опускал, она издавала: «Пи!» Если Фросе не нравилась пища, она отводила головку в сторону и произносила: «Фи!» Знаком удовольствия при погружении в тёплую ванночку было сладостное: «Ф-фых!» Фрося осваивала звуковые частоты, которые теперь её окружали, на которых я с ней разговаривал.

Получается, что Фросе естественным образом захотелось давать мне знать о своей реакции. И если так, то и я, вступая в диалог, говорил, когда нёс купать: «Фрося, ф-фых! Фрося, ф-фых!» Стоило сказать два-три раза, как Фрося, предчувствуя хорошее, принималась активно перебирать лапками в воздухе.

Мне вспоминалась говорящая черепаха Тортила, которую Алексей Толстой описал в «Золотом ключике». Возможно, у него была своя такая же умница.

Летом мы купили черепаху Риту. Как вскоре стало ясно, не всё просто обстояло с якобы молчащими в представлении людей черепахами. Иногда они определённо общались, поочерёдно и почти беззвучно открывая рот друг перед другом; редко произносимые ими — в основном по инициативе Фроси — шипящие и свистящие звуки уходили в высокочастотную ультразвуковую часть спектра, получается, что более характерную для них.